

На каких языках говорили в Трое?

Взгляд анатолиста

Предметом настоящей статьи является разбор исторических источников, позволяющих судить об этническом составе населения северо-западной Анатолии в XIV–XIII веках до н.э. Актуальность данного исследования обусловлена высокой вероятностью отражения конфликтов в данном регионе в гомеровском повествовании о троянской войне. На основании лингвистического анализа форм, доступных из первичных источников второго тыс. до н.э., приходится сделать пессимистический вывод о невозможности этнической идентификации «троянцев». Таким образом, популярная гипотеза о носителях лувийского языка, составляющих правящий класс в Трое бронзового века, оказывается безосновательной. Вместе с тем, следует признать, что ряд «троянских» имен собственных, встречающихся в Илиаде действительно поддаются толкованию на основании лувических языков. Одним из возможных объяснений данного факта является переселение групп ликийцев в Троаду как часть процесса миграций «народов моря».

Ключевые слова: Троя, лувийский язык, ликийский язык, Илиада, Гомер

1. Введение

Одним из результатов дешифровки хеттского языка стало обретение исторической информации о Трое бронзового века, которую чаще всего идентифицируют с городищем Гиссарлык на северо-западе Малой Азии, ставшим известным благодаря раскопкам Генриха Шлимана. Большинство современных исследователей принимают гипотезу, согласно которой топоним *Wilusa/Ulusa/Wilusiya*, зафиксированный в хеттских текстах, обозначает тот же город (и окружающую область), что и топоним классического периода Ἰλιος (Илион – параллельное название Трои), а также то, что два обозначения в конечном счете являются когнатами¹. В работе [Hajnal 2003: 28–32] рассматривается лингвистический аспект этого сопоставления, в то время как за анализом географической аргументации следует обратиться к работе [Easton et al. 2002: 98–101]. Нужно отметить, что большинство исследователей сейчас поддерживают это отождествление, а несогласные с ним не предлагают общей альтернативой идентификации для топонима *Wilusa* [ср. Steiner 2007 и Gander 2010]². Большинство специалистов также согласно с тем, что троянский эпос, приписываемый Гомеру, сохраняет определенные воспоминания о реалиях микенской цивилизации и, соответственно, ее современниках, троянцах брон-

¹ Свидетельства об этом топониме см. у [del Monte, Tischler 1978: 484]. Вариант *Wilusiya* ограничен среднехеттскими анналами и является архаическим образованием, сравнимым с *Arzawiya* vs. более позднее *Arzawa*.

² Примером недавней работы, пронизанной скепсисом по поводу отождествления Илиона и Вилусы, является монография [Gander 2010]. Автор приходит к выводу о том, что земли Маса, Каркиса и Вилуса должны располагаться где-то неподалеку от Лукки-Ликийи, считая их точное отождествление проблематичным (с. 181).

зового века, поэтому сравнение хеттских и греческих источников, касающихся Трои, является осмысленной задачей³.

Существенно более проблематичной задачей является определение «языка троянцев» в позднем бронзовом веке. В отечественной науке наибольшее распространение получила гипотеза о миграциях предков троянцев XIV–XIII веков с Балкан и их фракийском происхождении [Гиндин, Цымбурский 1996, Цымбурский 2003]. Ряд исследователей отстаивают связь троянцев с лидийцами, населявшими северо-западную Анатолию в середине первого тысячелетия до н.э. [Neumann 1999, Kloekhorst 2012]. Тем не менее, наибольшим влиянием пользуется, пожалуй, гипотеза о том, что лидеры троянцев позднего бронзового века говорили на лувийском языке и принадлежали к лувийскому культурному миру. Уоткинс и Ф. Штарке особенно выделяются среди исследователей, попытавшихся в последние десятилетия установить языковые и культурные связи между лувийцами и северо-западной Анатолией [Watkins 1986, Starke 1997]. Их попытки поддержали интерес к лувийцам со стороны филологов-классиков, который начал было затухать после того, как теория Леонарда Палмера о лувийском языке надписей линейного письма А не получила поддержки⁴. За это Уоткинс и Штарке, пожалуй, заслуживают благодарности со стороны других анатолистов, вне зависимости от того, следует ли согласиться с их заключениями.

В ряде недавних работ можно отметить тревожную тенденцию, заключающуюся в применении априорного подхода к данной проблеме со стороны исследователей, зачастую не являющихся специалистами в области лувийского языка. Показательной здесь является установка немецкого историка Петера Хегеманна [Högemann 2003: 9], который мимоходом заявляет: «Троя, как мы можем сегодня сказать, принадлежала к области распространения лувийского языка», после чего использует это утверждение в качестве базиса для дальнейших заключений⁵. Данная тенденция является результатом экстраполяции гипотезы, представляющей лувийцев в качестве основного этноса на территории западной части Малой Азии во второй половине второго тысячелетия до н.э. Я подробно остановился на разборе доводов сторонников данной гипотезы в работе [Якубович 2015] и постарался показать ее бездоказательный характер. В частности, основным филологическим аргументом в пользу локализации страны Лувия на западе Анатолии оказалось чередование топонимов Лувия и Арцава в поздней копии хеттских законов, относящееся ко времени, когда термин Лувия уже вышел из употребления в живой речи.

В то же время необходимо признать, что дискуссии вокруг этнической принадлежности троянцев покоятся на еще менее устойчивом фундаменте, чем дебаты об этниче-

³ Примером работы, стремящейся максимизировать количество параллелей между описанием ахейцев и троянцев в гомеровском эпосе, с одной стороны, и данными археологии и хеттской филологии, с другой стороны, является [Latacz 2004]. Минималистский подход прослеживается в монографии [Bachvarova 2016], где делается акцент на многослойном характере «Илиады» и «Одиссеи» и адаптации древневосточных эпических мотивов, не имеющих прямого отношения к Трое. Тем не менее, в данной работе принимаются как минимум две детали, отражающие память о бронзовом веке в гомеровском эпосе: имя троянского правителя Александра и наличие культа Аполлона в Трое [Bachvarova 2016: 351].

⁴ Ср. [Palmer 1965: 321–356; 1980: 10–16].

⁵ К более далеко идущим выводам приходит в своей недавней монографии швейцарский ландшафтный археолог Эберхард Цанггер. Считая лувийцев, населявших западную Анатолию, частью коалиции «народов моря», он заключает, что миграции «народов моря» в направлении Кипра и Леванта и распад империи Хаттусы привели к созданию могущественного лувийского государства в начале XII века до н.э. В этих условиях правители Микен сочли необходимым предпринять атаку на Трою, основной центр лувийской цивилизации на эгейском побережье, в целях восстановления геополитического баланса [Zangger 2016: 154–159].

ском составе княжества Арцава. В последнем случае можно по крайней мере опереться на небольшой корпус местных личных имен, а также на ряд текстов, которые предположительно происходят из этого региона. В случае с северо-западной Анатолией наши источники ограничены тремя личными именами, тремя теонимами и двумя топонимами, зафиксированными в клинописных источниках бронзового века. Можно обратить внимание на то, что ни один из этих восьми элементов не является в явном виде лувийским или даже лувическим, и большинство из них не поддаются языковой идентификации⁶. Оставшаяся часть информации дополняется греческим поэтическим описанием Троянской войны, чья окончательная редакция, вероятно, относится к периоду, который может лежать в основе нарратива событий на добрых пять веков. Наконец, продолжающиеся раскопки Трои бронзового века до сих пор не дали ни одной монументальной надписи, а эпиграфические памятники из Трои ограничиваются одной иероглифической печатью, причем ее владелец не может быть идентифицирован с какой-либо известной исторической фигурой.

Настоящая статья состоит из двух основных разделов. В первой части будет представлен краткий обзор истории Вилусы по анатолийским источникам бронзового века, а также разобраны основные аргументы, выдвигавшиеся за или против присутствия лувийцев в северо-западной части Малой Азии на основании анализа данных источников. Выводы данного раздела являются по преимуществу негативными, следует признать, что источники второго тысячелетия до н.э. не могут служить отправной точкой для осмысленной дискуссии об этнолингвистической ситуации в Вилусе. Задачей второй части является восстановление баланса после пессимистических заключений предыдущего раздела. Хотя «Илиада» и не подтверждает наличие лувийцев в Трое, она все же предоставляет ограниченные свидетельства в пользу присутствия отдельных групп лувического населения в Троаде в раннем железном веке.

2. Вилуса и лувийский язык

В самом раннем упоминании Вилусы в хеттских исторических источниках она связывается с *Taruisa* — топонимом, который часто сравнивают с классической Троей [ср. del Monte, Tischler 1978: 408]. В анналах Тудхалии I (СТН 142) упоминаются ^{KUR URU}WILUŠIYA и ^{KUR URU}TARWIŠA как два заключительных топонима в списке западноанатолийских княжеств, составлявших так называемую коалицию Ассувы, разгромленную царем Хаттусы [Carruba 1977: 158]. Отсюда следует, что в начале XIV в. до н.э. эти две территории располагались по соседству, но не являлись идентичными. Данное функциональное различие не имеет аналога в «Илиаде», где Ἰλιός и Τροίη обычно обозначают город и прилегающую территорию соответственно [Güterbock 1986: 40]. В работе [Hajnal 2003: 43] делается правдоподобный вывод о том, что в гомеровском эпосе сохранены обозначения

⁶ Термин «лувические языки» используется для таксономической единицы, включающей в себя собственно лувийский язык и ряд его ближайших родственников среди анатолийской языковой группы. К ним относятся, в частности, анатолийские языки Ликии (ликийский А и ликийский Б / милийский), а также, по-видимому, недавно дешифрованный карийский язык [Melchert 2003b: 175–177]. В то же время, следует подчеркнуть, что языки Ликии никоим образом не являются прямыми потомками лувийского. В частности, наличие окончания дат. мн. -e и контрастивной частицы =te в ликийском Б противоречит тезису Штарке [Starke 1997: 476, сноска 108], о том, что этот диалект, в отличие от ликийского А, напрямую происходит из лувийского языка.

двух соседних топонимов, но сведены воедино их референты [ср. Miller 2014: 13]. Другая вероятная (но не достоверная) фиксация топонима *Taruisa* встречается в лувийской иероглифической надписи ANKARA 2 на золотой чаше [Hawkins 1997, 2005a]. Этот артефакт, имеющий неясное происхождение и датировку, содержит упоминание похода некоего Тудхалии против страны *Tarali-wali-za/i*⁷.

Напротив, топоним *Wilusa* появляется в большем числе документов, из которых лучше всех сохранен и датирован вассальный договор, заключенный между Муватталли II, царем Хаттусы, и Алаксанду, князем Вилусы (СТН 76, недавно переведен в работе [Beckman 1999: 87–93]). В исторической преамбуле к этому тексту содержится утверждение о якобы подчиненном положении Вилусы по отношению к Хаттусе в древнехеттский период. Достоверность этой информации весьма сомнительна, потому что в той же преамбуле (если она верно реконструирована) заявляется, что Вилуса в прошлом всегда была в мирных отношениях с Хаттусой, что явно опровергается документом СТН 142 (см. выше). С другой стороны, имя царя Куккунни, чьи дружеские отношения с Суппилиумой I упоминаются в тексте договора для подтверждения длительного мирного сосуществования между Хаттусой и Вилусой, вероятно, является аутентичной деталью. К сожалению, последующая часть преамбулы, которая могла содержать повествование о (вторичном) покорении Вилусы Хаттусой, почти полностью утрачена. По всей вероятности, принятие князьями Вилусы вассального статуса стало результатом западных кампаний Мурсили II (вторая половина XIV в. до н.э.).

Ранний период правления Муватталли II отмечен хеттским походом в северо-западную Анатолию. Очевидно, он был предпринят по просьбе Алаксанду, чтобы помочь тому в борьбе с его противниками. В дополнение к имеющемуся в договоре Алаксанду фрагментарному описанию похода, о нем также известно из письма, посланного князем страны реки Сеха Манаба-Тархунта в Хаттусу (СТН 191). Манаба-Тархунта информирует своего адресата, что хеттская армия прошла через его территорию по направлению к Вилусе, а затем упоминает о своей болезни, которая, предположительно, является причиной его неучастия в этом походе [Houwink ten Cate 1985: 38]. Данный текст предоставляет ключевые аргументы в пользу идентификации Вилусы с Троей как территории, лежащей за страной реки Сеха, но он, к сожалению, бесполезен в плане определения противника Хаттусы. Однако отрывок из «Письма о Тавагалаве» (СТН 181) может навести на определенные мысли по данному поводу. Пытаясь убедить царя Аххиявы прекратить поддержку повстанца Пиямараду, царь Хаттусы призывает его подумать о следующем: «Царь страны Хаттусы и я враждовали из-за города Вилуса, но он убедил [меня относительно этой проблемы], поэтому мы помирились, и вражда намказана» [Cohen 2002: 126–127].

⁷ Гипотеза Хокинса, согласно которой надпись ANKARA 2 является древнейшим лувийским иероглифическим текстом, относящимся к началу XIV в. до н. э., не нашла поддержки исследователей. В работе [Yakubovich 2008: 14–16] я отстаиваю идею, что датировка надписи ANKARA 2 должна отличаться от времени создания чаши. Это позволяет согласовать орфографию текста ANKARA 2, характерную для XIII в. или более позднего периода, с явным упоминанием в этом тексте похода Тудхалии I на Т(а)руису в начале XIV в. до н.э. Стоит, однако, отметить, что отождествление иероглифического **Tarwiza* и клинописного *Taruisa* не может рассматриваться как полностью достоверное. Большинство недавних исследователей текста ANKARA 2 склоняются к ее датировке XII в. или еще более поздним периодом и отделяют упоминаемого в нем Тудхалию от Тудхалии I [Simon 2009, Freu 2010–2011, Орешко 2012, Giusfredi 2013]. Особняком стоит трактовка Дернфорда, который, как и я, разделяет время создания чаши и нанесения на нее надписи, допуская тем самым историческую отсылку в надписи к экспедиции Тудхалии I против Тарвисы, пусть и понимаемой как полуполегендарное событие [Durnford 2010].

Большинство исследователей сейчас придерживаются мнения о том, что автором «Письма о Тавагалаве» был Хаттусили III, правивший в середине XIII века до н.э. [Bruce 2005: 290, там же ссылки]. Таким образом, сложно принять, что «проблема города Вилусы» относится к тому же конфликту, что и упомянутый в договоре Алаксанду. Однако рассмотренный фрагмент недвусмысленно свидетельствует о том, что правители Аххиявы принимали участие в делах Вилусы и, вполне возможно, в некоторых случаях вмешивались в эти дела. Судя по тому, что известно об истории других западноанатолийских государств, такое вмешательство могло принимать форму поддержки претендентов на трон Вилусы и делегитимизации правящего князя. Один из подобных эпизодов, вероятно, имел место в царствование Муватталли II и потребовал похода хеттской армии, тогда как другой случился еще раньше в царствование Хаттусили III и был решен дипломатическими средствами⁸.

Еще один переворот, имевший место в Вилусе, упомянут в «Письме о Милавате» (СТН 182). Царь Хаттусы, отождествляемый сейчас с Тудхалией IV, убеждает своего вассала (не идентифицирован) передать ему князя Валму, занимавшего ранее престол Вилусы, которого следовало восстановить в правах на этот престол [Beckman 1999: 145; ср. Hawkins 1998: 19]. Можно усомниться, что политическая борьба в удаленной Вилусе привела бы к прямому вмешательству хеттского правителя, если не принять, что противники Валму опирались на иную региональную власть и/или получали поддержку с ее стороны. Необходимо следовать точке зрения Брайса [Bruce 2005: 361], который рассматривает этот эпизод как еще один возможный случай вмешательства Аххиявы в западноанатолийские дела. Век «великой игры», имевшей место между Хаттусой и Аххиявой в западной части Малой Азии, где центральное значение имела Вилуса, вероятно, представляет по крайней мере частичный исторический фон для эпической традиции, получившей кульминационное выражение в гомеровском эпосе и киклических поэмах.

В последний раз Вилуса упоминается, по-видимому, в плохо сохранившемся письме к князю Пархуйте (СТН 186.4). Пошиб письма совместим с предположением о том, что мы имеем дело с поздним новохеттским текстом. Точная датировка этого документа невозможна, но оно вызывает образ ослабленного государства Хаттуса, которое должно льстить своим бывшим вассалам с помощью приветственных формул, отражающих равный социальный статус адресанта и адресата. Что касается содержания, то можно лишь утверждать, что Вилуса упоминается в связи с насильственными действиями. Учитывая состояние политической дезинтеграции и анархии, которым характеризовался весь Ближний Восток в конце бронзового века, это, конечно, не вызывает удивления.

Договор Алаксанду является единственным хеттским текстом, который содержит информацию о религии Вилусы. Список божественных свидетелей из этого договора, которые представляют троянцев (KUB 21.1 iv 27–28), открывается вилусским армейским богом грома ($\check{S}A^{URU}WILU\check{S}A^{d}U\ KARA\check{S}$), имеющим аналог в государственном культе империи Хаттусы⁹. Имя второго бога утеряно в лакуне, а имя третьего бога сохранено как ...] x' -*ar-pa-li-u-na-aš* (где знак x заканчивается двойным вертикальным штрихом, что по-

⁸ Гипотеза Брайса [Bruce 2005: 225] о том, что Муватталли II отправил армию на Вилусу в ответ на нападение Пиямараду, опирается на весьма специфическое понимание текста СТН 191 (ср. [Houwink ten Cate 1985: 50–51]). По моему мнению, неочевидно и даже маловероятно, что начальная часть письма, упоминающая поход Хаттусы на Вилусу, а также его последующая часть, посвященная экспедиции Пиямараду против Лацпы, должны рассматриваться как одно логически связанное повествование. Ср. аналогичные замечания у Брайса [Bruce 2006: 184–185].

⁹ Текстуальные свидетельства о $dU\ KARA\check{S}$ см. у [van Gessel 1998, II: 782–783]. Хеттские тексты, в которых встречается это божество, включают в себя договор с Хуккану и анналы Мурсили II.

зволяет реконструировать его как <a>). За этим следует стереотипное перечисление мужских божеств, женских божеств, гор, рек и родников (два последних элемента реконструируются). Список заканчивается упоминанием ^dKASKAL KUR ŠA URUWILUŠA. После того как археологи Трои открыли пещеру, ведущую к находящемуся под городом резервуару с водой, многие исследователи приняли идентификацию ^dKASKAL KUR с «подземным потоком», что впервые предположил [Gordon 1969] (ср. [Erbil, Mouton 2012: 59 и сноска 22]).

Как уже было упомянуто выше, ни одно из имен собственных, связанных с Вилусой в хеттских текстах, не имеет внятной лувийской этимологии. В противоположность этому, два из них обладают вероятными греческими когнатами. Начиная с 1920-х гг. имя *Alaksandu*, князя Вилусы, сопоставляется с греч. Ἀλέξανδρος (Александр, букв. ‘защитник людей’)¹⁰. Связь между теонимом *Appaliunas* и греч. Ἀπόλλων < Ἀπέλλων (Аполлон) подробно рассмотрена в работе [Beekes 2003a]. Автор приходит к выводу, что в этом случае мы имеем дело с обратной ситуацией, а именно с заимствованием исконного анатолийского теонима в греческий язык. В целом это сопоставление следует считать менее надежным, чем предыдущее, поскольку нельзя быть уверенным в том, что данный теоним сохранен в клинописи полностью. Если же все-таки принимать его, то не очень понятно, почему раннегреческая форма **apelyon-*, реконструированная Бекесом на основе дорийского Ἀπέλλων, киприотского *to-i-a-pe-i-lo-ni* (ICS 215, b 4) и микенского [a]-pe-ro₂-ne (KN E 842.3), не могла привести к троянскому *Appaliuna-* с теми же вокалическими замещениями, которые видны в случае *Alaksandu*¹¹. Необходимо иметь в виду, что Аполлон является общегреческим божеством, в то время как ...] ‘x’-ap-pa-li-u-na-aš ограничен единственным анатолийским регионом. Также легче представить себе, что атематическая основа **apelyon-* была заимствована с вторичной тематизацией, чем принять, что прежнее тематическое имя было заимствовано в греческий в качестве консонантной основы [ср. Miller 2014: 14]¹².

Эти замечания, конечно, не доказывают, что троянцы были этническими греками. Личные имена могли быть заимствованы по многим причинам, включая престиж, и Алаксанду мог быть рожден в смешанном браке, как предполагается в монографии [Latacz 2004: 118]. Заимствование престижных иностранных божеств также является вполне тривиальной гипотезой, ср., напр., культ Аполлона у римлян. Мой тезис не выходит за пределы утверждения, что если кто-то хочет использовать скудные свидетельства из области ономастики, доступные благодаря клинописным источникам, для обсуждения «языка троянцев», то лувийский язык не представляется наиболее вероятным кандидатом. С учетом этого заключения можно перейти к анализу аргументов в пользу связи между лувийцами и троянцами, представленных в работах [Watkins 1986] и [Starke 1997].

¹⁰ Об истории дебатов вокруг этой идентификации, которые прекратились после открытия имени Александр в микенских источниках, см. [Szemerényi 1998: 276–285].

¹¹ Уоткинс [Watkins 1995: 149] справедливо предполагает, что Аппалиунас мог быть личным богом Алаксанду. Полное обсуждение работы [Beekes 2003a] выходит за рамки данной работы. Однако хотелось бы отметить, что я не выступаю против субстратного происхождения греческого имени Аполлона. Я лишь полагаю, что в отсутствие независимых свидетельств следует противиться соблазну отождествить догреческий субстратный язык и язык Вилусы.

¹² Вероятно также, что имя *Kukunni* является адаптацией греч. κύκνος ‘лебедь’ [Güterbock 1986: 34–35]. И вправду, некий Кукнос известен греческой традиции как союзник троянцев, убитый Ахиллом [Watkins 1986: 49]. Однако не менее правдоподобна гипотеза, что данное имя имеет анатолийское происхождение, а его ассоциация с греческим обозначением для слова ‘лебедь’ объясняется народной этимологией.

Статья [Watkins 1986] написана на основе доклада, подготовленного в ответ на просьбу рассмотреть проблему «языка или языков троянцев» с позиций лингвиста-индоевропеиста [Watkins 1986: 45]. Формулировка вопроса в данном случае предопределила содержание ответа. Уоткинс должен был использовать отрывочные свидетельства, которые, как ему было заранее известно, не способствуют окончательному решению троянской проблемы и, к его чести, он выявил их неубедительный характер. Таким образом, представленные ниже замечания направлены не столько против выводов Уоткинса, сколько против взглядов некоторых его последователей, которые видят в них доказанную гипотезу.

Точкой отсчета для размышлений Уоткинса является анализ нескольких троянских личных имен, встречающихся в «Илиаде». Уже Ларош [Laroche 1972: 126, сноска 32] предполагал, что имя троянского царя Πριάμος (Приам) может представлять собой иностранную передачу лувийского *p(a)riya-miwvas*, букв. ‘самый сильный’ (о фонетических деталях см. [Starke 1997: 458a]). К сожалению, это сопоставление остается изолированным и контрастирует с несколькими именами знатных троянцев, имеющих прозрачные греческие этимологии. Именно по этой причине Ларош сразу отказался от своего предположения на методологических основаниях. Однако Уоткинс заявил, что он обнаружил косвенное подтверждение предложенной Ларошем этимологии имени Приама в «анатолийском» имени его сына Париса, также известного как Александр. Он истолковал имя Πάρις (Парис) как гипокористическое образование, соответствующее имени хеттского писца *Pari-LÚ* [Laroche 1966: §942]. Хотя негреческий характер имени Парис довольно вероятен, его этимология, представленная Уоткинсом, выглядит недостаточно убедительной. Достаточно обратить внимание на то, что не дается никакого объяснения вставной гласной в Πάρις на фоне ее отсутствия в Πριάμος.

Другое троянское имя, рассмотренное Уоткинсом [Watkins 1986], — это Ἄσιος Ὑρτάκου υἱός (N 771). Уоткинс справедливо связывает Ἄσιо- с микенским прилагательным *a-si-wi-jo* [Казанскене, Казанский 1986: 145], опираясь на предположение о том, что обе лексемы произведены от западноанатолийского топонима, засвидетельствованного в клинописных источниках как *Assuwa*. Что касается отчества Ὑρτάκου, то он предложил сопоставление с хетт. *hartagga-* ‘медведь’ [Watkins 1986: 54]. Вне зависимости от того, верен этот анализ или нет, мне не кажется, что он проливает свет на лувийско-троянские связи. Этимология топонима *Assuwa* остается неясной¹³, тогда как Ὑρτάκου не может являться лувийским соответствием хетт. *hartagga-* < и.-е. **xrtk'o-* ‘медведь’, поскольку индохеттские палатализованные велярные взрывные не отражаются как взрывные в лувийском.

Другой аргумент в пользу родства лувийцев и троянцев, представленный Уоткинсом [Watkins 1986: 58], касается наличия в договоре Алаксанду неявной ссылки на Вилусу как на одну из арцавских земель (ср. [Beckman 1999: 90 (A iii 31 ff.)]). Однако попытки сделать этнолингвистические выводы из этого решения представляются натянутыми, если принять аргументы против идентификации Лувии и Арцавы, представленные в статье [Якубович 2015]¹⁴. В любом случае проще предположить, что цари Хаттусы идентифицировали Арцаву с определенным географическим регионом, а не с этнической группой.

Последнее свидетельство, которое, по-видимому, ответственно за высокий индекс цитирования статьи [Watkins 1986], — это обнаружение топонима *Wilusa* в строке из «Песен Истанувы» *ah-ha-ta-ta a-la-ti a-ú-i-en-ta ú-i-lu-ša-ti* ‘Они вернулись из далекой? Вилусы’

¹³ Штарке [Starke 1997: 475, сноска 93] связывает *Assuwa* с лув. *āssu-* ‘лошадь’. Однако данная этимология проблематична с фонетической точки зрения, поскольку лувийским обозначением для слова ‘лошадь’, по-видимому, было *azzu-* [ср. Melchert 1987: 202].

¹⁴ Ср. также признание недоказанности данной идентификации в работе [Hawkins 2014: 5].

(КВо 4.11 rev. 46)¹⁵. Уоткинс также предположил, что тот же топоним может быть реконструирован на конце фрагмента *a-a-la-ti-'it'-ta a-ah-ha LÚ-is a-ú-i-ta* [...] ‘Мужчина вернулся издалека...’ (KUB 35.103 rev. 11). С точки зрения современного состояния науки, последнее предположение представляется менее правдоподобным, поскольку KUB 35.103 доказательно является частью заговора для беременных, происходящего из Киццувадны на юго-востоке Малой Азии. В противоположность этому, «Песни Истанувы» отражают устную традицию региона, располагавшегося в долине реки Сахирья/Сакарья, то есть относительно близко к Трое (но все же не настолько близко, чтобы исключить упоминание «далекой Вилусы»). Таким образом, географическая идентификация, предложенная Уоткинсом, предполагает существование контактов между жителями Вилусы и группами лувийского населения, жившего вдоль берегов реки Сакарья.

Вместе с тем, следует признать, что представленные выше примеры имеют не больше релевантности для определения родного языка (родных языков) жителей Вилусы, чем другие соображения, высказанные в работе [Watkins 1986]. Является ли значительная (по сути, главная) роль Трои в гомеровском эпосе убедительным аргументом в пользу греческой этничности троянцев? Ответ должен быть отрицательным, несмотря на то, что «Илиада» изображает Гектора и нескольких других троянских персонажей с большой симпатией, и несмотря на ряд сцен, в которых ахейцы общаются со своими троянскими противниками без переводчиков. Имеются все основания подписаться под осторожным заключением Уоткинса [Watkins 1986: 62]: «Если лувийцы обладали песней или эпосом о Вилусе, отсюда не следует, что в Вилусе говорили на лувийском языке».

Другой широко цитируемой статьей, в которой рассматриваются аргументы в пользу лувийского происхождения троянцев, является работа Штарке [Starke 1997]. Стимулом для ее написания стало обнаружение в Трое во время сезона раскопок 1995 г. бронзовой печати с анатолийской иероглифической надписью, язык которой, впрочем, невозможно идентифицировать. Поскольку за весь предшествующий век раскопок в Трое не удалось обнаружить догреческих эпиграфических памятников, можно понять сенсационный характер этой находки для археологического сообщества. В то же время вполне очевидно, что открытие изолированной надписи, сделанной на легко переносимом объекте и не содержащей информации о ее месте изготовления, мало говорит о языке региона, в котором она была обнаружена. Так, четыре печати с анатолийскими иероглифами были найдены на территории Израиля, но Зингер [Singer 2006: 738–739] не увидел в этих находках доказательства существования устойчивых групп лувийского населения в Ханаане. Ханаанские печати никогда не рассматривались как сенсационные открытия, поскольку гораздо большее число письменных памятников на семитских языках уже пролили свет на этнолингвистическую ситуацию в Палестине периода бронзового века. В случае Трои, где подобные свидетельства отсутствуют, открытие 1995 г. было чрезмерно

¹⁵ Транслитерацию контекста см. в монографии [Starke 1985: 341]. Относительно интерпретации лув. *ahha* как пространственного наречия см. [Yakubovich 2012], иначе [Melchert 2013]. Штарке [Starke 1990: 603] предпочитает интерпретировать *al(a/i)-* в данном фрагменте как ‘море’, что представляется маловероятным, поскольку контекстный анализ говорит в пользу адъективного употребления *al(i)-* [ср. Watkins 1995: 144–145]. Анализ Уоткинса, интерпретирующего *al(a/i)-* как ‘крутой, глубокий’, также не вполне убедителен, поскольку круг значений значение ‘далекий, чужой’ является вполне уместным для всех случаев употребления данного прилагательного в лувийском корпусе. Решающее значение для предпочтения интерпретации ‘далекий, чужой’ играют этимологические соображения. Я связываю лув. *al(a/i)-* ‘далекий’ с лийским префиксом *ala-*, выделяемым в лексемах *ala-ha-* ‘погребать, отпускать в иной мир’ и *ala-dale-hali-* ‘погребение’, а также, в конечном итоге, с и.-е. **alyo-* ‘другой’. Я планирую подробнее остановиться на данной проблеме в совместной статье с Элизабет Рикен, находящейся в данный момент в процессе подготовки.

раздуто и инициировало повышенный интерес к исследовательским вопросам, для столкновения с которыми ученые были плохо подготовлены.

По моему мнению, главное достоинство статьи Штарке заключается в рассмотрении политической истории Анатолии периода бронзового века. Политические связи между Вилусой и Хеттской империей, подробно рассмотренные в работе [Starke 1997] и вкратце проанализированные в начале этого раздела, дают достаточное объяснение появлению иероглифической печати в Трое. Попытки автора делать заключения о языковой ситуации в Вилусе и на прилегающей территории менее убедительны. Многие аргументы Штарке повторяют аргументы Уоткинса [Watkins 1986], и нет необходимости обращаться к ним еще раз. Однако следует рассмотреть значимость чередования между формами *Wilusa* и *Wilusiya*, которые обнаруживают параллель в виде аналогичного варьирования между формами *Arzawa* и *Arzawiya*. Варианты, снабженные суффиксом *-iya-*, являются в обоих случаях более архаичными и, согласно Штарке, должны рассматриваться как посессивные прилагательные «вилусский» и «арцавский» соответственно. В противоположность этому, в лидийском языке, на котором говорили в Западной Анатолии в начале I тыс. до н. э., использовался другой посессивный суффикс *-(i)-*.

Следует признать, что данный аргумент Штарке говорит в пользу лувийского посредничества в контактах Хаттусы с Западной Анатолией. Можно заключить, что на более ранней фазе этих контактов хетты имели поверхностные знания об Арцаве и Вилусе и, как следствие, заимствовали иностранные обозначения для соответствующих стран. После того как контакты стали более тесными, носители хеттского языка усвоили верные обозначения вассальных территорий. Подобным образом традиционная романизация китайской столицы *Peking* основывается, вероятно, на кантонском произношении этого топонима [rakkin] и отражает словоупотребление китайской почтовой системы, управлявшейся в XIX веке британцами из Гонконга. Современная романизация *Beijing* опирается на мандаринскую норму [peitʃiŋ] и отражает осведомленность англоговорящих об официальном языке КНР, на котором также говорят и в китайской столице.

Роль лувийцев в передаче хеттам западноанатолийских топонимов не должна никого поражать, если вспомнить, что лувийцы населяли Нижнюю страну и, таким образом, были западными соседями хеттов [Якубович 2015: 140–141]. Я не могу следовать априорному утверждению Штарке [Starke 1997: 459a], что лувийский суффикс прилагательного *Wilus-iya* должен отражать язык троянских послов в Хаттусу. В самом деле, единственная фиксация этого варианта в хеттском корпусе встречается в контексте военного урегулирования конфликта, в то время как дипломатические документы последовательно содержат более новое написание *Wilusa*! Учитывая множество возможных сценариев того, как хетты могли изначально расширять свои географические познания, лучше не спекулировать излишне на данную тему. Но ограниченные свидетельства в нашем распоряжении говорят в пользу того, что дипломатический обмен между Вилусой и Хаттусой способствовал скорее устранению лувоидной формы, чем ее распространению. Таким образом, форма *Wilusiya* не может сказать ничего о языке северо-западной части Анатолии.

Заключительная часть работы [Starke 1997] посвящена различиям в социальной организации греков и троянцев. Штарке подчеркивает «семейственность» представления троянской аристократии в Илиаде, где очень большое число защитников города изображаются как кровные и некровные родственники Приама. Близкой параллелью к этому положению дел является квази-семейная структура двора Хаттусы, где многие официальные лица носили звание DUMU.LUGAL ‘сын царя’ [Bryce 2002: 27; ср. Beal 2004: 149]. Строго говоря, неизвестно, характеризовались ли аналогичной структурой дворы

Киццувадны и Арцавы. Однако важно, что, даже если дела обстояли именно так, все равно нет причин утверждать, что ведущая роль большой царской семьи в государственных делах была свойственна именно лувийцам как этнической группе внутри Анатолии. Можно легко подписаться под утверждением Штарке, что «гомеровского мира очевидно не существует, по крайней мере в Илиаде, — скорее, Гомер жил на стыке двух миров — греческого и анатолийско-лувийского» [Starke 1997: 466] — исключая последнее слово, которое здесь выделено курсивом.

Выводы из данного раздела являются преимущественно негативными. Следует прямо заявить о том, что предложенные возражения против сценариев, связывающих жителей Вилусы с лувийцами, не предполагают наличия лучшего кандидата на «язык троянцев». Как фракийская гипотеза Гиндина, так и лидийская/мизийская гипотеза Нойманна (см. ссылки во Введении), опираются преимущественно на анализ троянских личных имен и топонимов, засвидетельствованных в греческой передаче. Поскольку и фракийцы, и лидийцы/мизийцы, по-видимому, проживали в северо-западной части Малой Азии в начале железного века, невозможно сказать, отражает ли появление соответствующих имен собственных в гомеровском эпосе и других греческих источниках историческую память о бронзовом веке или же оно является более поздним наслоением¹⁶. То же самое, конечно, справедливо для большинства греческих троянских имен, таких как Гектор, Андромаха или Деифоб¹⁷. С формальной точки зрения, лувийская гипотеза имеет одно потенциальное преимущество перед своими конкурентами. Если бы удалось на самом деле показать, что значительная часть гомеровских имен троянцев является лувийской, этот пласт точно должен был бы являться архаичным, поскольку ни один греческий рапсод начала I тыс. до н. э. не имел причин вставлять такие имена в текст эпоса. К сожалению, единственным именем из этой группы, для которого предложена правдоподобная лувийская этимология, является имя Приама, однако даже эта этимология предполагает гипокористическое сокращение¹⁸.

В принципе, можно согласиться с Брайсом [Bruce 2006: 120] относительно того, что не было приведено ни одного позитивного свидетельства, которое противоречило бы идее лувийского присутствия в Вилусе периода бронзового века. Но и эмпирическая поддержка для такой гипотезы отсутствует. Необходимо усвоить урок из этой дискус-

¹⁶ Вместе с тем, следует отметить наличие многочисленных эпонимов фракийских городов в генеалогии Энея [Гиндин, Цымбурский 1996: 192]. Поскольку в дошедшем до нас тексте «Илиады» Эней никак не связан с Фракией, данный набор имен, вероятно, следует интерпретировать как архаизм. Неясно, однако, восходит ли он к бронзовому веку или же он отражает переселение фракийцев в Малую Азию в XII в.

¹⁷ Приведенные выше рассуждения опираются на правдоподобное, но недоказанное предположение о том, что ядро повествования «Илиады» отражает исторические события позднего бронзового века (см. обсуждение у [Hajnal 2003: 54–59]). Если считать, что автор VIII в. до н. э. использовал устаревшие географические реалии и архаические поэтические формулы для описания фиктивных событий, то этим, конечно, будет поставлена под сомнение сама релевантность гомеровского эпоса для этнолингвистических реконструкций.

¹⁸ Еще одна этническая группа, являющаяся возможным кандидатом на роль населения Вилусы в бронзовом веке, — это этруски. Геродот (1.94) рассказывает о вызванном голодом переселении этрусков из северо-западной Анатолии в Италию. Эта история находит подтверждение в сходстве этрусского языка с языком надписи, обнаруженной на Лемносе в 1884 г. Бекес [Beekes 2003b], пытаясь доказать анатолийское происхождение этрусков, предполагает, что их миграция может быть связана с происхождением легенды о бегстве группы троянцев в Италию, известной из «Энеиды» Вергилия. Тем не менее, автор разумно воздерживается от прямого отождествления троянцев и этрусков, поскольку такое отождествление не имеет каких-либо лингвистических оснований. Альтернативную интерпретацию геродотовской легенды см. в работе [Oettinger 2010].

сии, который (по другому поводу) афористично выразил Витгенштейн: о чем нельзя говорить, о том следует молчать. Для проведения результативных исследований в данной области требуется дополнительная эмпирическая информация.

3. Проблема «троянских ликийцев»

Главная тема этого раздела — это идентичность гомеровских ликийцев, группы союзников троянцев, упоминаемой в «Илиаде» чаще, чем карийцы, меонианцы, мисийцы, пеонианцы, пафлагонийцы и фракийцы вместе взятые. Брайс [Bryce 2006: 146] справедливо отмечает, что эпос не содержит правдоподобного сценария, который бы позволил переместить этих воинов из исторической Ликии, находившейся вдали от театра эпических военных действий. К этому следует добавить, что эпические ликийцы, по-видимому, разделяются на группы в соответствии со страной своего происхождения. В то время как большая группа, возглавляемая Главком и Сарпедоном, очевидно, прибыла из южноанатолийского региона, известного в классический период как Ликия и поддающегося идентификации благодаря названию реки Ксанф (напр., Z 172), другой ликийский воин, Пандар, описывается как житель Зелей, города на северо-западе Анатолии (В 824–827, Δ 91, 103).

Ни значительная роль ликийцев в «Илиаде», ни их гетерогенное происхождение не имеют очевидного смысла в историческом контексте классического периода. Дальнейшая интерпретация данного парадокса зависит от методологических посылок исследователей. Для радикальных фольклористов сам вопрос об историческом зерне легенды о «троянских ликийцах» может показаться бессмысленным. В частности, недавняя монография, посвященная ближневосточному влиянию на становление гомеровского эпоса, обсуждает появление ликийцев в «Илиаде» в контексте исполнения ранних вариантов эпоса в Милете и других городах Ионии, где местная аристократия гордилась своими ликийскими корнями. Согласно данной интерпретации, мотивацией для подобной сюжетной модификации было стремление польстить родовитым заказчикам состязаний рапсодов [Bachvarova 2016: 438–445]. Тем же, кто склонен искать историческую правду за информацией о «троянских ликийцах», необходимо признать, что она отражает более раннюю геополитическую ситуацию [ср. Гиндин, Цымбурский 1996: 234–237].

Многие ученые, начиная с греческих схолиастов, пытались объяснить с исторических позиций сведения о ликийцах в Трое, но дешифровка хеттского языка придала этим дебатам новое измерение. Ряд исследователей, по их мнению, обнаружили в хеттских источниках подтверждение ликийского присутствия в северо-западной Анатолии бронзового века. Так, в работе [Macqueen 1968: 175] была предложена идентификация гомеровских ликийцев с народами *Lukka* из клинописных источников, которые он попытался локализовать неподалеку от Трои. Гиндин и Цымбурский развили эту идею, высказав предположение, что гомеровские ликийцы занимали территории на западе Малой Азии в период бронзового века, а впоследствии мигрировали в Ликию, сохранив, однако, свой язык, известный сегодня как ликийский Б [Гиндин, Цымбурский 1996: 243–245]. В работе [Jenniges 1998] также подтверждается, что в «Илиаде» есть упоминание об обширных землях *Lukka*, но автор предлагает искать их в Киликии, Лидии или Ликаонии. Шимон допускает существование двух различных земель *Lukka*, одна из которых расположена в Юго-Западной Анатолии, а другая — в районе Вилусы [Simon 2006: 321–322]. Брайс, принимая исконную связь между Сарпедоном и Луккой/Ликией, считает, что ликийское происхождение Пандара является более поздней интерполяцией, отража-

ющей миграции начала железного века [Bryce 2006: 137, 144–150]. Дискуссионный характер происхождения «гомеровских ликийцев» требует свежего взгляда на историю и географию земель Лукка.

Упоминания страны Лукка в хеттских текстах суммированы в конкордансе [del Monte, Tischler 1978: 249–250], и большинство из них подвергнуты детальному анализу в монографии [Gander 2010]. Самое раннее свидетельство об этом регионе связывают с анналами Тудхалии I начала XIV в. до н. э. [Bryce 2003: 74]. Первый сохранившийся топоним в списке союза Ассувы, который уже упоминался в предыдущем разделе, это ...] *uq-qa* (KUB 23.11 ii 14, [Carruba 1977: 158]). Поскольку этот список заканчивается странами *Wilusiya* и *Taruisa*, восстановление [L]ukka было бы удивительным подтверждением реальности «троянской Ликии», предполагаемой родины Пандара. Подобное восстановление, однако, не является единственно возможным или даже наиболее правдоподобным. В анналах Арнуванды I, сына Тудхалии I, дважды упоминается другая неизвестная страна *ar-du-uq*[... в связи с нападением на Арцаву, которое этот царь предпринял вместе со своим отцом (KUB 23.21 obv. 18, 21 [Carruba 1977: 166, 168]). С формальной точки зрения можно реконструировать топоним *Arduqqa* на основе *ar-du-uq* [и *uq-qa* [del Monte, Tischler 1978: 40, см. там же библиографию], а пространственная и временная близость событий, описанных в двух отрывках, способствует тому, чтобы предпочесть эту реконструкцию вместо [L]ukka в KUB 23.11 [ср. Starke 1997: 456а, сноска 91].

Первое бесспорное упоминание Лукки в хеттских источниках имеет место в среднехеттской молитве к богине солнца города Аринны, позднее адаптированной Мурсили II (СТН 376.C = KUB 24.4)¹⁹. В этом источнике Лукка упоминается наряду с Араванной, Каласпой и Пидассой как земля, ставшая независимой и переставшая платить дань Хаттусе [Lebrun 1980: 162]. Это заявление не следует воспринимать слишком буквально, поскольку правители Хаттусы имели склонность считать территории соседей своими историческими владениями. Тем не менее, этого достаточно, чтобы показать, что Лукка не была частью империи Хаттусы во время составления СТН 376.C. Поскольку другие земли в этом отрывке сгруппированы с Луккой на основе своего мятежного характера, а не взаимной географической близости, текст KUB 24.4 бесполезен для анализа расположения Лукки.

Аккадское письмо EA 38, отправленное царем Аласии (Кипра) фараону Эхнатону, современнику Суппилулиумы I (середина XIV в. до н. э.), содержит больше интересной географической информации. Царь Аласии жалуется на ущерб, который принесли его государству набеги «страны Лукка». Очевидной целью этого письма была попытка умиротворить египетского фараона, который мог обвинить своего корреспондента в поддержке и содействии Лукке в ее набегах на Египет [Bryce 2003: 75; Bryce 2005: 335]. Территория классической Ликии была бы удачной стартовой площадкой для грабительских набегов против Египта и Аласии, обычно идентифицируемой с Кипром или его частью, в то время как Северо-Восточная Анатолия слишком удалена, чтобы всерьез рассматриваться в географическом контексте письма. Из этого текста также можно вывести, что земли Лукка обладали, по крайней мере *de facto*, политической независимостью, позволявшей им совершать грабительские набеги.

Каждый правитель империи Хаттусы, начиная с Мурсили II (конец XIV в. до н.э.), хотя бы раз упоминал Лукку в контексте политической нестабильности в данном регионе.

¹⁹ Брайс [Bryce 2003: 75], по-видимому, не придает значения различию между молитвой Мурсили II богине солнца города Аринны (напр., СТН 376.A) и ее среднехеттским прототипом. Адекватная оценка взаимоотношений между двумя текстами дана в работе [Singer 2002: 44–45].

Мурсили II сохранил упоминание Лукки как вражеской территории в своей адаптации среднехеттской молитвы к богине солнца города Аринны [Singer 2002: 52–53]. Муваталли II обязал Алаксанду, князя Вилусы, оказать ему личную поддержку, если он отправится в военную кампанию с земель Лукки, Каркисы, Масы или Варсияллы [Beckman 1999: 89–90]. Формально говоря, самый легкий способ понять этот отрывок — это предположить, что текст ссылается на возможные места сбора войска Хаттусы и союзнических сил. Тем не менее, факт, что ни одна из стран в этом списке не известна как часть империи Хаттусы или ее вассального государства, а арцавские земли, расположенные поблизости от Вилусы, не включены в этот список, делает подобный анализ сомнительным. Я предпочитаю рассматривать Лукку и другие земли, упомянутые в этом контексте, как возможные первые цели военной кампании (то есть «(начиная) с земель Лукки...»)²⁰.

Res gestae Хаттусили III (СТН 82), который несколько раз упоминает Лукку в контексте военных походов, слишком фрагментарны для того, чтобы решить, является ли этот регион агрессором или жертвой [Gurney 1997: 138]. Однако важно, что в этом документе (середина XIII в. до н. э.) Лукка последовательно именуется KUR.KUR.MEŠ URU^{URU}LUQQA ‘земли Лукка’, что подразумевает политическую раздробленность данного региона. Согласно «Письму о Тавагалаве» (СТН 181), народы лука одновременно отправили послов к царю Хаттусы и Тавагалаве, царю Аххиявы, откуда следует, что они не считали себя находящимися в подчиненном положении по отношению к какой-либо из двух региональных держав²¹.

«Наставление Тудхалии IV» (СТН 255) рекомендует официальным лицам охранять границы от возможных вторжений со стороны земель Ацци, Каска и Лукка [von Schuler 1967: 24]. Иероглифическая надпись YALBURT, принадлежащая тому же царю, упоминает «разрушение» и разграбление Лукки. Надпись SÜDBURG, традиционно приписываемая Суппилулиуме II, также упоминает покорение Лукки, находящейся в одном списке с Виянавандой, Таминой, Масой и Иккуной [ср. Hawkins 1995: 22, § 4]²². Из той же надписи, возможно, следует, что названные земли были непокорными и при прежних царях [Melchert 2006: 292, сноска 5]. Письмо Аммурапи, последнего князя Угарита, к царю Аласии содержит жалобу на уязвимость Угарита в условиях, когда вся его армия в стране Хаттусы, а все его корабли в Лукке [Bruce 2005: 333]. Очевидно, царь Хаттусы приказал своему вассалу Аммурапи отправить в Лукку его военно-морские силы.

Решающий аргумент в пользу идентификации земель Лукка хеттских источников с Ликией классического периода предоставляет надпись YALBURT. Поэто [Poetto 1993: 75–82] обнаружил, что топонимы (MONS) *pa-tara/i*, *VITIS*, *pi-na-ali*, *á-wa-ra/i-na-* и *TALAWA/i*, отмеченные на маршруте Тудхалии IV во второй половине XIII в. до н. э., соответствуют топонимам Παταρ(η)ίς, Οἰνόανδα, Πίναρα, Ἄρανα и Τλῶς греческих источников. Известно, что четыре из этих пяти греческих топонимов отсылают к лувийским поселениям и обладают засвидетельствованными аналогами в ликийском языке: *Pttara*, *Pinale*, *Arřina* и *Plawa*, соответственно [Schürr 2010: 14–15]. Гандер, впрочем, отвергает идентификацию топонима *VITIS* с греческой Ойноандой, следуя вместо этого за Шюрром в его осторож-

²⁰ Вопреки Брайсу [Bruce 2003: 76], я не вижу причин, по которым эти обстоятельства договора могут рассматриваться как аргумент против расположения Лукки на юго-западе Малой Азии. Алаксанду был обязан явиться лично вместе со своей армией в случае военной схватки с «западными варварами». Напротив, при конфликте с какой-либо из восточных сил обязанности Алаксанду, согласно договору, были ограничены отправкой экспедиционного корпуса, но его личное участие не требовалось [ср. Beckman 1999: 90].

²¹ Относительно вероятного царского статуса Тавагалавы, см. [Miller 2010].

²² Ср. гипотезу [Орешко 2013], согласно которой надпись SÜDBURG принадлежит Суппилулиуме I.

ном отождествлении VITIS с ликийским *Winbēte*, известным по фрагментарной надписи из Тлоса [Gander 2014: 394]. Однако этот дискуссионный вопрос, разумеется, не влияет на общие географические выводы Поэтто, поскольку все объекты идентификации остаются в ликийском ареале.

Вопреки выводам работы [Simon 2006], текстовые источники бронзового века не подтверждают существование еще одной земли Лукка на северо-западе Анатолии. Каталогный текст КВо 16.83+ (СТН 242.8) действительно упоминает серебряные изделия, доставленные народами лука следом за другими артефактами из североанатолийских городов, но нет никаких оснований считать, что предметы роскоши раскладывались или подвергались инвентаризации на складах Хаттусы по географическому принципу. Упоминание Лукки в договоре Алаксанду не предполагает, что эта территория относилась к княжеству Вилусы, но просто выделяет ее в качестве потенциально беспокойной территории в западной части Анатолии. Наконец, мы уже видели, что мнимое участие людей лука в союзе Ассувы всецело основано на неправдоподобном восстановлении текста. В отсутствие свидетельств в пользу противоположного, принцип бритвы Оккама подводит нас к тому, чтобы признать, что границы центральной зоны Лукки не состояли из нескольких удаленных друг от друга ареалов. Таким образом, комбинация филологических и логических аргументов говорит в пользу того, что поселения лука в бронзовом веке находились в классической Ликийи, а не где-либо еще в Малой Азии или за ее пределами.

В хеттских текстах не упоминаются правители Лукки. Хотя имеются свидетельства торговли между Хаттусой и Луккой, поскольку местные артефакты упомянуты в хеттских каталожных текстах [del Monte, Tischler 1978: 250], между двумя регионами не заключались договоры. Отсюда следует, что цари Хаттусы не рассматривали страну Лукка в качестве государства, что укрепляет впечатление о ее политической раздробленности [ср. Bryce 2003: 40–41]. Если *Lukka* не было обозначением государства, то оно могло либо являться чисто географическим термином, таким как Арцава в широком смысле, либо иметь этнические коннотации. Фиксации этого термина в качестве этнонима в египетских источниках подтверждают вторую гипотезу. Мы уже видели, что письмо из Амарны упоминает набеги народов лука на Аласию, но те же лука (*ru₂-ku₂*) появляются почти на 150 лет позже в карнакской надписи Мернептаха (конец XIII века до н.э.), где они изображаются как члены грабительской коалиции. Другими членами этой коалиции были шерден (*ša-r-d-n*), шекеlesh (*š-k-ru₂-ša*), эквеш (*'a₂-qa-wa-ša*) и тереш (*tu-ri-ša*), имена которых легко идентифицируются как относящиеся к «народам моря» [ср. Bryce 2005: 336].

Если можно говорить о народах лука, то логично задаться вопросом о языке или языках, на которых говорили эти группы. Брайс [Bryce 2003: 43–44] считал, что это был лувийский язык, и даже предположил, будто земли Лукка могли метонимически использоваться в качестве обозначения всех лувоязычных регионов Анатолии. Последнее утверждение, очевидно, является неверным, поскольку регион Хаттусы, который в XIII в. до н. э. был преимущественно лувоязычным, явно не относился к землям Лукка²³. Что же касается первого утверждения, то оно требует прояснения в контексте предложенного Мелчертом разграничения между лувической группой языков и лувийскими языками в узком смысле. Учитывая, что все автохтонные языки, засвидетельствованные в Ликийи и вокруг нее, являются лувическими, утверждение, что народы лука должны были говорить на лувическом диалекте, представляется весьма правдоподобным. Остается понять,

²³ Шимон [Simon 2006: 320–321] приводит ряд возражений против интерпретации Брайса, согласно которой ряд хеттских контекстов указывают на “ликийцев в широком смысле слова”.

какой из известных нам лувических диалектов (если вообще какой-то из них), является вероятным потомком диалекта Лукки.

Наиболее разумная гипотеза заключается в том, что народы лука в конце бронзового века говорили на некоей ранней форме ликийского языка. Имеется достаточно свидетельств, что оба лувических диалекта, засвидетельствованных в ликийских надписях классического периода, ликийский А (или просто ликийский) и ликийский Б (или милийский), содержат архаизмы, которые были устранены в лувийском языке, и следовательно не могут рассматриваться как его прямые потомки (ср. [Melchert 2003b: 175]). Однако отношения между этими двумя диалектами требуют дополнительного анализа²⁴.

Имеются по крайней мере три фонологические инновации, произошедшие в ликийском, но не в милийском²⁵. Это **s > h* (исключая позицию перед определенными согласными), **w > Ø* перед носовыми, **k^w > t* перед *i*. Ср., например, посессивный суффикс лик. *-ehē/i-* vs. мил. *-ese/i-*, суффикс прилагательных со значением этнической принадлежности лик. *-ñne/i-* vs. мил. *-wñne/i-*, а также лик. *ti* vs. мил. *ki* 'кто'²⁶. Мне неизвестны обратные типы соответствий, которые бы иллюстрировали фонологические инновации милийского языка в сравнении с близкородственным ему ликийским языком. Во всех трех приведенных выше примерах карийский разделяет с милийским общие архаизмы, ср. *oton-os-n* 'афинский (вин. ед.)', *kbd-yn-s* 'кавнийцев (вин. мн.)', а также этимологически относительное местоимение *ki*, функционирующее как связка в именных группах [Adiego 2007: 371, 377, 392]. Морфологическая инновация, объединяющая милийский с карийским, в противоположность ликийскому, — это расширенный союз лик. Б *sebe* ~ кар. *sb*, но лик. *se* [Adiego 2007: 411]. Таким образом, можно принять гипотезу, что милийский занимал промежуточную позицию между ликийским и карийским языками в континууме лувических диалектов западной Анатолии. Уже одно это говорит против гипотезы Цымбурского, поддержанной Гиндиным, согласно которой предки милийцев пришли в Ликийю из далекой Трояды²⁷.

Вместе с тем, доступные социолингвистические свидетельства действительно говорят в пользу интрузивного статуса милийского языка в Ликии. Число лувийских монументальных надписей приближается к 200, и они распространены по всей территории классической Ликии. В противоположность этому, известны только две милийские надписи, обе из которых являются поэтическими текстами. Одна из них — это поэтический текст на стеле из Ксанфа (TL 44), на которую также нанесены длинный прозаический текст на ликийском А и небольшая греческая элегия. Разумно считать, что ликийская

²⁴ В частности, наличие окончания дат. мн. *-e* и контрастивной частицы *=te* в ликийском Б противоречит тезису Штарке [Starke 1997: 476, сноска 108], что этот диалект, в отличие от ликийского А, является прямым потомком лувийского языка.

²⁵ Термин «милийский» используется здесь для того, чтобы избежать априорного решения проблемы отношений между этим языком и ликийским А. В то же время необходимо отметить, что традиционное альтернативное имя «милийский» избрано *faute de mieux* и гипотеза о локализации прародины носителей этого языка в Милиаде, на северо-востоке Ликии, не находит никаких оснований.

²⁶ В связи с первыми двумя примерами ср. лик. А *ēneheli-* vs. лик. Б *ēneseli-* 'материнский' [Melchert 2004: 116] и лик. А *xbidēñeli-* vs. лик. Б *xbidewñneli-* 'кавнийский' [Melchert 2004: 135]. По поводу последнего сопоставления см. [Adiego 2007: 243].

²⁷ В то же время следует признать, что наше понимание грамматической структуры милийских текстов еще далеко от совершенства. В настоящее время исследователями, вносящими наибольший вклад в продолжающийся процесс дешифровки милийского языка, являются Д. Шюр и В. В. Шеворошкин. Наиболее недавний из имеющихся грамматических очерков милийского языка — это [Шеворошкин 2013], а статья [Шеворошкин 2012] может служить иллюстрацией методологии, применяемой при дешифровке милийских поэтических текстов.

часть надписи отражала разговорный язык Ксанфа, греческий был избран как региональный *lingua franca*, а милийский представлял собой эпический и поэтический язык, бытовавший в Ликии. Таким образом, ничего не мешает предположить, что диалект народов лукка является предком ликийского (А). Ни один из доступных источников бронзового века не противоречит статусу Ликии как локальной прародины данной этнической группы, а лингвистически однородный характер классической Ликии, контрастирующий с почти полным отсутствием ликийских памятников за ее пределами, подтверждает данную идентификацию.

Помимо географических аргументов, существует также лингвистическая линия аргументации в пользу расширения ареала племен Лукка. Ее отправной точкой является гипотеза о том, что топонимы *Luvīya* и *Lukka* — когнаты, связанные регулярным фонетическим соответствием между «восточным лувийским» и «западным лувийским» [ср. Гиндин, Цымбурский 1996: 231, см. там же библиографию]. Версию данной гипотезы еще можно найти в недавней работе [Carruba 2011]. С формальной точки зрения, однако, она не выдерживает критики, поскольку соответствие между лувийским *-w-* и ликийским *-k-* больше нигде не засвидетельствовано [ср. Melchert 2003a: 14, сноска 6]. На лингвистических основаниях невозможно даже показать, что топоним *Lukka* является лувическим по происхождению, и гипотеза, что он был заимствован у доиндоевропейского населения Ликии, также вполне допустима²⁸.

Следует ли, таким образом, считать присутствие ликийцев возле Трои, отмеченное в «Илиаде», всего лишь легендой? Мне не кажется, что необходимо делать столь пессимистическое заключение. Хотя теория миграций народов лукка с севера на юг в конце бронзового века и не получает филологической поддержки, все же возможно, что некоторые племена лукка направились из Ликии в северном направлении после (или незадолго до) распада империи Хаттусы. Известно, что период конца XIII в. и начала XII в. до н.э. отмечен интенсивными миграциями, которые были зафиксированы в египетских исторических текстах как нашествие народов моря [Bruce 2005: 334–340]. Мы видели, что в те беспокойные времена Мернептах в явном виде упоминал лукка в качестве одной из племенных групп, вовлеченных в грабительские набеги. Гомеровский эпос предоставляет косвенные свидетельства того, что, когда некоторые племена лукка совершали набеги на Египет, другие осели в районе Трои.

Экспансия народов лукка с территории своей прародины помогает объяснить этимологию классической Ликаонии (Λυκαονία). Эта территория располагалась в Центральной Анатолии, пересекаясь с южной частью Нижней страны хеттских источников, и была отделена Таврскими горами и расстоянием примерно 200 километров от земель Лукка, соответствующих классической Ликии. В XIII в. до н. э. она располагалась внутри империи Хаттусы, к северо-западу от Тархунтассы. Поскольку ни «Договор Улми-Тешуба», ни Бронзовая табличка не упоминают Лукку в качестве северного соседа Тархунтассы, нет оснований полагать, что эта территория в рассматриваемый период считалась землей Лукка в географическом смысле²⁹. Тем не менее, с чисто лингвистической

²⁸ Недавняя попытка вывести топоним *Lukka* из и.-е. **leuk-* ‘сиять’ представлена в работе [Simon 2006: 315–316]. С моей точки зрения, эта этимология формально возможна, но семантически неправдоподобна. Если она верна, то она подтверждает тезис о том, что топонимы Лувия и Лукка этимологически не связаны друг с другом.

²⁹ Традиционная географическая ассоциация между Луккой периода бронзового века и классической Ликаонией опиралась на весьма произвольную реконструкцию *res gestae* Хаттусили III (см. подробности у [Bruce 1974: 397]). Хотя это, вероятно, было одной из возможных гипотез до публикации Бронзовой таблички и надписи YALBURT, сейчас такое предположение едва ли заслуживает внимания.

точки зрения Ликаония может быть непосредственно выведена из лувической формы **lukka-wan(ni)*- ‘заселенная людьми Лукка’ или ‘относящаяся к Лукке’ [Jenniges 1998: 41, см. там же библиографию].

Я предполагаю, что этимология Ликаонии может отражать нашествия народов лукка. Тот факт, что Тудхалия IV посвятил часть своих *res gestae* описанию побед над лукка, предполагает, что он рассматривал земли Лукка в одном ряду со своими самыми грозными противниками. Надпись SÜDBURG также включает Лукку в тот же перечень враждебных стран, в который включена и Иккуна — город, идентифицируемый с эллинистическим Иконом, располагавшимся на границе Ликаонии и Исаурии, и с современной Коньей. Отсюда следует, что автор надписи SÜDBURG должен был воевать с большой коалицией: от Ликийи до частей Ликаонии [ср. Hawkins 1995: 54–55]. Возможно, народы лукка играли первую скрипку в этой коалиции и добились политического владычества над Ликаонией после распада Хеттской империи. Эта гипотеза сообразуется с тем фактом, что в данном регионе отсутствуют иероглифические надписи постимперского периода.

Конечно, присутствие народов лукка в районе Трои не должно было быть столь же заметным, как их присутствие в Ликаонии, хотя, вероятно, оно было более продолжительным, чем их присутствие в Египте. Гомеровский рассказ о ликийском военачальнике Пандаре, обладавшем властью в городе Зедея, может даже отражать существование постоянных опорных пунктов племен лукка в Троаде в Темные века. Таким образом, ликийская этничность гомеровских ликийцев имеет более весомую филологическую поддержку, чем мнимая лувийская этничность гомеровских троянцев. Так, отца Пандара зовут Λυκάων в «Илиаде», и есть соблазн интерпретировать это имя как косвенное указание на этническую принадлежность Пандара или его географическое происхождение [ср. Jenniges 1998: 141]. Имя Πάνδαρος неоднократно сопоставлялось с ликийским прилагательным *pñtreñni/e-*, хотя выводы из этого сопоставления для этимологии имени не вполне ясны [ср. Neumann 2007: 278–279]. Имя Σαρπηδών, букв. ‘имеющий высокое место’ или ‘живущий высоко’, возможно, исконно было карийским, а не ликийским, поскольку префикс *šar-*, распространенный в карийских личных именах, соответствует ликийскому *hri-* и мильскому *zri-* < **sarri-* [Adiego 2007: 261]³⁰. Это, конечно, несложно примирить с открыто заявленной ликийской идентичностью этого военачальника, поскольку пиратские союзы лукка могли включать не только ликийцев как таковых, но и наиболее предприимчивых из их соседей³¹.

Возможный пример лувоидного топонима в северо-западной части Малой Азии — это имя *Δαινίς в применении к греч. Ἐλαία, городу в дельте реки Кайкос. Нойманн [apud Gusmani 1986: 162] реконструировал этот топоним в отрывке, принадлежащем Стефану Византийскому: Ἐλαία πόλις τῆς Ἀσίας... ἡ Κίδαίνις ὠνομάζετο («Эолийский город Элая в Азии... который назывался Кидаинисом»). Согласно Нойманну, ἡ Κίδαίνις ὠνομάζετο может быть исправлено на ἡ καὶ Δαινίς ὠνομάζετο ‘который также назывался Даинисом’. Он предположил, что греч. Ἐλαία, букв. ‘оливковое дерево’, является калькой с лувийского *daini(ya/i)*- ‘маслянистый’. Как верно показал Мелчерт [Melchert 2003a: 11, сноска 4], лув. *dain(i)*- ‘(растительное) масло’ (родственное хетт. *sakan* ‘масло,

³⁰ Вторая часть имени Сарпедона традиционно связывается с лик. *A pddēn-* ‘место’. В работе [Durnford 2008] делается предположение, что композит, «имеющий высокое положение», исконно мог являться титулом Сарпедона, который был переосмыслен в качестве личного имени уже в греческом окружении.

³¹ В связи с этим необходимо отметить, что если принимать присутствие ликийцев в Троаде, то можно также полагать, что лувическое имя Приама принадлежит к тому же племени. Несмотря на то, что это предположение является весьма спекулятивным, оно все же должно рассматриваться как более удачное, чем настойчивые попытки вывести имя легендарного троянского царя напрямую из лувийского.

жир') характеризуется историческими изменениями, нетипичными для лидийского языка, и поэтому не может являться лидийским когнатом лувийской лексемы. Если опираться на наш ранневизантийский источник и принять эмендацию Нойманна, придется также признать, что город Даинис, расположенный, возможно, в исторической стране реки Сеха, имеет лувическую этимологию. Однако, вопреки Мелчерту, нет ничего специфически лувийского в нерегулярном звуковом переходе */s/ > /t/ или лениции звонких велярных, зафиксированных также и в ликийском (ср. лик. *tawa* 'глаза' vs. хетт. *sakıwa* 'id.')32. Следовательно, необходимо принять во внимание возможность того, что город Даинис являлся луккской/раннеликийской колонией, позднее ассимилированной греками. Может ли это быть еще одним историческим фактом, скрывающимся за легендой о «тройанских ликийцах»³³? В то же время следует подчеркнуть, что озвончение начального /t-/ не характерно для языка ликийских алфавитных надписей. Нельзя исключить, что мы имеем здесь дело с поздним диалектным развитием.

Трудно пойти дальше, оставаясь на почве фактов. Возможно, никогда не удастся узнать, проникли ли племена лука в Троаду, когда Вилуса все еще была лояльным вассалом Хаттусы, или воспользовались вакуумом власти, обусловленным распадом империи. Неясно, были ли они, как их изображает «Илиада», преданными союзниками троянцев, или же они выступили одним из факторов, способствовавших оставлению Трои в конце II тыс. до н. э. Нельзя также быть уверенным, что Троя существовала в те времена, когда ликийцы могли осесть в этом регионе: темы троянской войны и конфликта с ликийцами могли быть объединены в гомеровском эпосе позднее. Но если вообще пытаться найти историческое ядро в гипотезе о «тройанских ликийцах», миграции ликийцев из их прародины в Южной Анатолии к окрестностям Трои должны рассматриваться так, как они описаны в «Илиаде», и их не следует интерпретировать как воспоминания о лувийцах или о другой этнической группе, мигрировавшей с севера на юг³⁴.

Заключение

В данной статье рассматривались два типа аргументов, которые потенциально проливают свет на языковую ситуацию в Трое бронзового века. Во-первых, это данные хеттских источников о Вилусе, совпадающие по времени с объектом исследования. Во вто-

³² Стоит отметить отсутствие анлаутного оглушения в греческом топониме *Δαίσις, хотя данный процесс ожидался бы в ликийском языке классического периода. Вместе с тем, поскольку анлаутное оглушение в анатолийских языках является ареальной особенностью, распространившейся через процесс лексической диффузии [ср. Melchert 1994: 20], его наличие или отсутствие не может быть использовано в качестве аргумента в пользу генетической идентификации определенной лексемы.

³³ Регион Даинис, должно быть, относился к стране реки Сеха в конце бронзового века. Следовательно, в качестве альтернативы можно предположить, что его обозначение восходит к слову 'оливки' в местном лувическом диалекте.

³⁴ Допущение миграций племен лука в конце II тыс. до н. э. предполагает, что определение земель Лука как «распльчатого географического обозначения для Юго-Западной Анатолии, использовавшегося в отношении группы этнически и культурно родственных сообществ и кланов» [Singer 1983: 208] нуждается в уточнении. Принимавшиеся некогда распльчатые географические границы земель Лука могли быть отражением господствовавшей в научном сообществе неясности по поводу проблемы троянской Ликии или этимологии Ликаонии. Если признать, что эти топонимы могут отражать вторичную экспансию племен лука, банальное отождествление между Луккой источников бронзового века и Ликией классических источников становится куда менее проблематичным.

рых, это данные гомеровского эпоса и более поздних греческих источников, удаленные по времени от объекта исследования на как минимум на пол тысячелетия. Очевидно, что если признавать идентификацию Трои и Вилусы, то эмпирические данные, восходящие к источникам первой группы, обладают большей доказательной силой, чем эмпирические данные, восходящие к источникам второй группы.

Анализ источников бронзового века не позволил выявить ни одного убедительного аргумента в пользу широко распространенной гипотезы, отождествляющей население Вилусы, отчасти или в целом, с носителями лувийского языка. Ни одно из имен собственных, относящихся к Вилусе, не имеет лувийской этимологии, а раскопки Трояды не принесли ни одной монументальной надписи на лувийском языке. Существуют определенные аргументы в пользу контактов между лувийцами и жителями Вилусы/Трои, а именно упоминание Трои в лувийской «песне из Истанувы» и обнаружение печати с анатолийскими иероглифическими символами при раскопках Трои. Но существуют также и аргументы в пользу контактов между населением Вилусы и греками, а именно, имена Алаксанду, правителя Вилусы, и Аппалиуны, бога, почитаемого в Вилусе. Более того, доступные нам сведения совместимы с гипотезой о достаточно поверхностном характере контактов между лувийцами и троянцами, тогда как два греческих имени собственных среди известных восьми лексических единиц, связанных с Вилусой, скорее говорят в пользу языкового и культурного симбиоза между троянцами и микенскими греками.

Переходя к сведениям из греческих источников, следует признать, что здесь имеется ряд заслуживающих внимания аргументов в пользу лувийских элементов в Трое и Трояде. К ним относится, в частности, этимология имени царя Приама, топонима Даинис на границе Трояды, а также сведения о ликийцах — союзниках троянцев. Следует, однако, сделать две важные оговорки. Во-первых, сторонники альтернативных гипотез, считавшие/считающие троянцев бронзового века фракийцами или греками, приводят свои этимологии имен собственных, относящихся к гомеровской Трое, которые призваны подкрепить их этимологические построения. Мне не известны попытки статистического анализа, призванные, например, подкрепить гипотезу о преобладании лувийских микропонимов над фракийскими микропонимами в гомеровской Трое. Во вторых, если принимать всерьез сообщения о «троянских ликийцах», следует также принять всерьез их отличие от собственно троянцев. Гипотеза о том, что ликийцы доминировали в гомеровской Трое, прямо противоречит эпической традиции.

Что касается интерпретации термина «ликийцы» в гомеровском эпосе, приходится сделать выбор между его идентификацией с носителями лувийского и собственно ликийского языка. Близкое родство обоих языков не подлежит сомнению. Однако для того, чтобы признать, что греки именовали лувийское население Трои ликийцами, приходится допустить, что они также отдавали себе отчет в генетической близости этих двух языковых систем, что и позволило им перенести наименование лука/ликийцев на лувийцев после того, как лувийский язык вышел из употребления в западной части Малой Азии. Такая гипотеза предполагает высокую степень лингвистической осведомленности о сравнительной грамматике анатолийских языков со стороны греков, для допущения которой, кажется, нет никаких независимых оснований.

Альтернативой является предположение о доисторических миграциях племенных групп лука в Трояду в «темные века», лежащие на рубеже эпохи бронзы и железа (конец 2-го тыс. до н.э.). Учитывая отсутствие сведений о лувийцах в Трояде в источниках бронзового века, а также наличие сведений о ликийцах в составе мобильных групп «народов моря», последней гипотезе, вероятно, следует отдать предпочтение. В то же время, следует признать, что историчность участия ликийцев в военных столкновениях

в районе Вилусы/Трои на рубеже бронзового и железного веков не может считаться строго доказанной, и фольклористическая интерпретация данного сюжета в духе [Bachvarova 2016] также имеет право на существование.

В заключение, приходится вернуться к вопросу об этническом составе населения Вилусы. Как упоминалось выше, источники бронзового века не дают здесь оснований предпочесть лувийскую, лидийскую или фракийскую гипотезу. Можно, однако, сформулировать тезис, который обладает преимуществом перед всеми вышеизложенными: этнический состав Трои в бронзовом веке не поддается интерпретации в силу недостатка данных и возможно, что большинство населения Вилусы не относилось ни к одной из вышеперечисленных групп. Как представляется, все альтернативные гипотезы можно объединить по принципу отказа от эмпирической платформы ради того, чтобы снабдить троянцев «знатными родственниками».

Литература

- Гиндин, Л. А., Цымбурский, В. Л. 1996. *Гомер и история восточного Средиземноморья*. Москва: Восточная литература.
- Казанскене, В. П., Казанский, Н. Н. 1986. *Предметно-понятийный словарь греческого языка: крито-микенский период*. Ленинград: Наука.
- Орешко, Р. Н. 2012. “Иероглифическая лувийская надпись на бронзовой чаше из Анкары: Опыт эпиграфической и исторической реинтерпретации”. *Вестник древней истории* 2012(2): 3–28.
- Орешко, Р. Н. 2013. “Иероглифическая надпись царя Сушпилиулимы (SÜDBURG): архаизация или архаика?” *Вестник древней истории* 2013(2): 84–95.
- Шеворошкин, В. В. 2012. “Хиазмы и сходные структуры в мильийских текстах”. *Армянский гуманитарный вестник* 2012(4): 98–120.
- Шеворошкин, В. В. 2013. “Мильийский язык”. *Языки мира: Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии*. Под ред.: Коряков, Ю. Б., и др. Москва: Academia, стр. 154–166.
- Цымбурский, В. Л. 2003. “Этно- и линвогенез Трои как преломление индоевропейской проблемы”. *Вопросы языкознания* 2003(3): 15–30.
- Якубович, И. С. 2015. “К локализации Лувии – древнейшего ареала обитания лувийцев”. *Вестник древней истории* 2015(4): 137–163.

References

- Adiego Lajara, I.-J. 2007. *The Carian Language*. HdO 1/86. Leiden: Brill.
- Bachvarova, M. 2016. *From Hittite to Homer: The Anatolian Background of Ancient Greek Epic*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Beal, R. H. 2004. Review of Bryce 2002. *Journal of the American Oriental Society* 124/1: 148–152.
- Beckman, G. 1999. *Hittite Diplomatic Texts. Second Edition*. Atlanta, GA: Scholars Press.
- Beekes, R. S. 2003a. “The Origin of Apollo”. *Journal of Ancient Near Eastern Religions* 3: 1–21.
- Beekes, R. S. 2003b. *The Origin of the Etruscans*. Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen. Mededelingen van de Afdeling Letterkunde (Nieuwe Reeks) 66/1. Amsterdam: Akademie van Wetenschappen.
- Bryce, T. 1974. “The Lukka Problem — and a Possible Solution”. *Journal of Near Eastern Studies* 33/4: 395–404.
- Bryce, T. 2002. *Life and Society in the Hittite World*. Oxford University Press.
- Bryce, T. 2003. “History”. *The Luwians*. Ed. C. Melchert. HdO 1/68. Leiden: Brill. Pp. 27–127.
- Bryce, T. 2005. *The Kingdom of the Hittites. New Edition*. Oxford: Oxford University Press.
- Bryce, T. 2006. *The Trojans and their Neighbours*. London and New York: Routledge.
- Carruba, O. 1977. “Beiträge zur mittelhethitischen Geschichte I”. *Studi Micenei ed Egeo-Anatolici* 18: 137–179.

- Carruba, O. 2011. "Die Gliederung des Anatolischen und der erste indoeuropäische Name der Anatolier". *Empires after the Empire: Anatolia, Syria, and Assyria after Suppiluliuma II*. Ed. K. Strobel. Eothen 17. Florence: LoGisma. Pp. 309–329.
- Cohen, Y. 2002. *Taboos and Prohibitions in Hittite Society: a Study of the Hittite Expression natta āra ('not permitted')*. THeth 24. Heidelberg: Winter.
- Cymburskij V. L. "Etno- i lingvogenez Troi kak prelomlenie indoevropskoj problemy". *Voprosy Jazykoznanija* 2003(3): 15–30.
- Durnford, S. P. B. 2008. "Is Sarpedon a Bronze Age Anatolian personal name or a job description?" *Anatolian Studies* 58: 103–113.
- Durnford, S. P. B. 2010. "How old was Ankara Silver Bowl when its inscriptions were added". *Anatolian Studies* 60: 51–70.
- Easton, D. F, Hawkins, J. D., Sheratt A. G., Sheratt E. S. 2002. "Troy in recent perspective". *Anatolian Studies* 52: 75–110.
- Erbil, Y., Mouton, A. 2012. "Water in Ancient Anatolian Religions: An Archaeological and Philological Inquiry of the Hittite Evidence". *Journal of Near Eastern Studies* 71/1: 53–74.
- Freu, J. 2010/2011. "Le vase d'argent du Musée des civilisations anatoliennes d'Ankara et la fin de l'Empire Hittite". *Talanta XLII–XLIII*: 185–192.
- Gander, M. 2010. *Die geographischen Beziehungen der Lukka-Länder*. THeth. 27. Heidelberg: Winter.
- Gander, M. 2014. "Tlos, Oinoanda and the Hittite Invasion of the Lukka Lands. Some Thoughts on the History of Northwestern Lycia in the Late Bronze and Iron Ages". *Klio* 96/2: 369–415.
- van Gessel, B. H. L. 1998. *Onomasticon of the Hittite Pantheon*. HdO 1/33. Leiden: Brill.
- Gindin, L. A, Cymburskij, V. L. 1996. *Gomer i istorija vostochnogo sredizemnomor'ja*. Moskva: Vostochnaja literature.
- Giusfredi, F. 2013. "Further Considerations on the Ankara Silver Bowl". *Time and History in the Ancient Near East: Proceedings of the 56th Rencontre Assyriologique Internationale at Barcelona*. Ed. L. Feliu et al. Winona Lake, IN: Eisenbrauns. Pp. 665–678.
- Gordon, E. I. 1969. "The Meaning of the Ideogram ^dKASKAL.KUR = "Underground Water-course"". *Journal of Cuneiform Studies* 21: 70–88.
- Gurney, O. R. 1997. "The Annals of Hattusilis III". *Anatolian Studies* 47: 127–139.
- Gusmani, R. 1986. *Lydisches Wörterbuch: Ergänzungsband. Lieferung 3*. Heidelberg: Winter.
- Güterbock, H. G. 1986. "Troy in Hittite Texts: Wilusa, Ahhiyawa, and Hittite History". *Troy and the Trojan War: a Symposium at Bryn Mawr College, October 1984*. Ed. M. J. Mellink. Bryn Mawr, PA: Bryn Mawr College. Pp. 33–44.
- Hajnal, I. 2003. *Troia aus sprachwissenschaftlicher Sicht. Die Struktur einer Argumentation*. Innsbruck: Institut der Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.
- Hawkins, J. D. 1995. *The Hieroglyphic Inscription of the Sacred Pool Complex at Hattusa (SÜDBURG)*. StBoT, Beiheft 3. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Hawkins, J. D. 1997. "A Hieroglyphic Luwian Inscription on a Silver Bowl in the Museum of Anatolian Civilizations, Ankara". *Anadolu Medeniyetleri Müzesi. 1996 Yılığ*: 7–22.
- Hawkins, J. D. 1998. "Tarkasnawa King of Mira, 'Tarkondemos', Boğazköy sealings and Karabel". *Anatolian Studies*, 48: 1–31.
- Hawkins, J. D. 2005. "A Hieroglyphic Luwian Inscription on a Silver Bowl (reprint of Hawkins 1997 with additions and corrections)". *Studia Troica* 15: 193–204.
- Hawkins, J. D. 2014. "A New Look at the Luwian Language". *Kadmos* 52/1: 1–8.
- Högemann, P. 2003. "Das ionische Griechentum und seine altanatolische Umwelt in Spiegel Homers". *Die Griechen und der Vordere Orient. Beiträge zum Kultur- und Regionskontakt zwischen Griechenland und dem Vorderen Orient im 1. Jahrtausend v. Chr.* Ed. M. Witte and S. Alkier. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. Pp. 1–24.
- Houwink ten Cate, Ph. 1985. "Sidelights on the Ahhiyawa question from Hittite Vassal and Royal Correspondence". *Jaarbericht van het Vooraziatisch-egyptisch Genootschap (Ex Oriente Lux)* 28: 28–79.
- Jenniges, W. 1998. "Les Lyciens dans l'Illiade : sur les traces de Pandaros". *Quaestiones Homericae: Acta Colloquii Namurcensis habiti diebus 7–9 mensis Septembris anni 1995*. Ed. L. Isebaert & R. Lebrun. Louvain – Namur: Peeters/Société des études classiques. Pp. 119–147.
- Kazanskene, V. P., Kazanskij, N. N. 1986. *Predmetno-pon'atijnyj slovar' grecheskogo jazyka: krito-mikenskij period*. Leningrad: Nauka.

- Kloekhorst, A. 2012. "The Language of Troy". *Troy: City, Homer and Turkey*. Ed. J. Kelder et al. Amsterdam: W Books. Pp. 46-50.
- Laroche, E. 1972. "Linguistique asianique". *Minos* 11: 112-135.
- Laroche, E. 1966. *Les noms des hittites*. Paris: C. Klincksieck.
- Latacz, I. 2004. *Troy and Homer: Towards a Solution of an Old Mystery*. Transl. K. Windle and R. Ireland. Oxford University Press.
- Lebrun, R. 1980. *Hymnes et prières hittites*. Louvain-la-Neuve: Centre d'histoire des religions.
- Macqueen, I. G. 1968. "Geography and History in Western Asia Minor in the Second Millennium B.C.E.". *Anatolian Studies*, 18: 169-185.
- Melchert, H. C. 1987. "PIE velars in Luvian". *Studies in Memory of Warren Cowgill (1929-1985)*. Ed. C. Watkins. Berlin-New York: Walter de Gruyter. Pp. 182-204.
- Melchert, H. C. 1994. *Anatolian Historical Phonology*. Amsterdam: Rodopi.
- Melchert, H. C. 2003a. "Prehistory". *The Luwians*. Ed. C. Melchert. HdO 1/68. Leiden: Brill. Pp. 8-26.
- Melchert, H. C. 2003b. "Language". *The Luwians*. Ed. C. Melchert. HdO 1/68. Leiden: Brill. Pp. 170-210.
- Melchert, H. C. 2004. *A Dictionary of the Lycian Language*. Ann Arbor: Beech Stave Press.
- Melchert, H. C. 2006. "Indo-European Verbal Art in Luvian". *Langue poétique indo-européenne*. Ed. G. Pinault and D. Petit. Leuven-Paris: Peeters. Pp. 291-298.
- Melchert, H. C. 2013. "Hittite and Hieroglyphic Luvian arha 'away': Common Inheritance or Borrowing?" *Journal of Language Contact* 6: 300-312.
- Miller, G. D. 2014. *Ancient Greek Dialects and Early Authors: Introduction to the Dialect Mixture in Homer with Notes on Lyric and Herodotus*. Berlin: de Gruyter.
- Miller, J. 2010. "Some disputed passages in the Tawagalawa Letter". *Ipamati kistamati para tumatimis: Luwian and Hittite studies presented to J. David Hawkins on the Occasion of his 70th birthday*. Ed. I. Singer. Tel-Aviv: Institute of Archaeology. Pp. 159-169.
- del Monte, G. F., Tischler J. 1978. *Die Orts- und Gewässernamen der hethitischen Texte*. RGTC VI. Wiesbaden: Reichert.
- Neumann, G. 1999. "Wie haben die Troer im 13 Jahrhundert gesprochen?" *Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft, Neue Folge* 23: 15-23.
- Neumann, G. 2007. *Glossar des Lykischen*. DBH 21. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Oettinger, N. 2010. "Seevölker und Etrusker". *Pax Hethitica: Studies on the Hittites and their Neighbours in Honour of Itamar Singer*. Ed. Y. Cohen et al. StBoT 51. Wiesbaden: Harrassowitz. Pp. 233-246.
- Oreshko, R. N. 2012. "Ieroglificheskaja luvijjskaja nadpis' na bronzovoj chashe iz Ankary: Opyt epigraficheskoy i istoricheskoy interpretacii". *Vestnik drevnej istorii* 2012(2): 3-28.
- Oreshko, R. N. 2013. "Ieroglificheskaja nadpis' caria Suppiluliumy: arkhazacija ili arkhajka?". *Vestnik drevnej istorii* 2013(2): 84-95.
- Palmer, L. R. 1965. *Mycenaean and Minoan* (second edition). New York: A. Knopf.
- Palmer, L. R. 1980. *The Greek Language*. London: Humanities Press.
- Poetto, M. 1993. *L'iscrizione luvio-geroglifica di Yalburt*. StMed 8. Pavia: Gianni Iuculano.
- von Schuler, E. 1967. *Hethitische Dienstanweisungen für höhere Hof- und Staatsbeamte: ein Beitrag zum antiken Recht Kleinasiens*. AfO, Beiheft 10. Osnabrück: Biblio-Verlag.
- Schürr 2010. "Zu Vorgeschichte Lykiens: Städtenamen in hethitischen Quellen". *Klio* 92/1: 7-33.
- Shevoroshkin, V. V. 2012. "Khiazmy i skhodnye struktury v milijskikh tekstakh". *Armianskij gumanitarnyj vestnik* 2012(4): 98-120.
- Shevoroshkin, V. V. 2013. "Milijskij jazyk". In: Koriakov, Y. B. et al. (eds.). *Jazyki mira: Reliktovye indoeuropejskie jazyki Perednej i Central'noj Azii*. Moscow: Akademija, pp. 154-166.
- Simon, Zs. 2006. Review of *The Luwians* (Ed. H. C. Melchert, Leiden: Brill, 2003). *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae* 46: 313-322.
- Simon, Zs. 2009. "Die ANKARA-Silberschale und das Ende des hethitische Reiches". *Zeitschrift für Assyriologie* 99/2: 247-269.
- Singer, I. 1983. "Western Anatolia in the Thirteenth Century B.C. according to the Hittite Sources". *Anatolian Studies*, 33: 205-217.
- Singer, I. 2002. *Hittite Prayers*. Atlanta, GA: Society of Biblical Literature.

- Singer, I. 2006. "The Hittites and the Bible Revisited". *"I Will Speak the Riddles of Ancient Times": Archaeological and Historical Studies in Honor of Amihai Mazar on the Occasion of his Sixtieth Birthday*. Ed. A.M. Maier and P. de Miroschedji. Winona Lake, IN: Eisenbrauns. Pp. 723–756.
- Starke, F. 1985. *Die keilschrift-luwischen Texte in Umschrift*. StBoT 30. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Starke, F. 1990. *Untersuchungen zur Stammbildung des keilschrift-luwischen Nomens*. StBoT 31. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Starke, F. 1997. "Troia im Kontext des historisch-politischen und sprachlichen Umfeldes Kleinasiens im 2. Jahrtausend". *Studia Troica* 7: 447–487.
- Steiner, G. 2007. "The Case of Wiluša and Ahhiyawa". *Bibliotheca Orientalis* 54/5–6: 590–612.
- Szemerényi, O. 1998. "Hounded out of Academe...: The sad fate of a genius". *Studi di Storia e di Filologia Anatolica dedicati a Giovanni Pugliese Carratelli*. Ed. F. Imparati. Eothen 1. Firenze: ELITE. Pp. 257–289.
- Watkins, C. 1986. "The Language of the Trojans". *Troy and the Trojan War: a Symposium at Bryn Mawr College, October 1984*. Ed. M. J. Mellink. Bryn Mawr, PA: Bryn Mawr College. Pp. 45–62.
- Watkins, C. 1995. *How to Kill a Dragon: Aspects of Indo-European Poetics*. Oxford University Press.
- Yakubovich, I. 2008. "Hittite-Luvian Bilingualism and the Origin of Anatolian Hieroglyphs". *Acta Linguistica Petropolitana* 4/1: 9–36.
- Yakubovich, I. 2012. "The Reading of Luwian ARHA and Related Problems". *Altorientalische Forschungen* 39/2 (2012): 321–339.
- Yakubovich, I. S. 2015. "K lokalizaciji Luvii – drevnejshego areala obitanija luvijcev". *Vestnik drevnej istorii* 2015(4): 137–163.
- Zangger, E. 2016. *The Luwian Civilization: The Missing Link in the Aegean Bronze Age*. Istanbul: Ege Yayınları.

Ilya Yakubovich. The Language(s) of the Trojans: The Perspective of an Anatolian Scholar

This paper is devoted to the scrutiny of historical sources that can shed light on the ethnic composition of northwest Anatolia in 14–12th centuries BC. The high probability of the conflicts in this region providing the background for the Homeric narrative about the Trojan war enhances the relevance of this topic for Ancient Mediterranean Studies. The linguistic analysis of the forms retrievable from the primary sources of the first millennium BC is conducive to a pessimistic conclusion that the ethnic identification of the "Trojans" is impossible. This undermines the popular hypothesis about the Luwian ethnicity of the Late Bronze Age "Trojan" elites. At the same time, one must acknowledge the possibility of interpreting several "Trojan" proper noun occurring in the Iliad as Luwic. One of the possible explanations of this phenomenon is the resettlement of (Proto-)Lycian population groups to the Troad as part of a broader process of the Sea People migrations.

Keywords: Troy, Luwian, Lycian, Iliad, Homer